ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ П. М. ЯЗЫКОВА (1).

I. О графѣ Е. Ф. Канкринѣ.

23 Юля 1840 г. На террасѣ замка на лавочкѣ сидѣлъ старецъ высокаго роста, Нѣмецкой наружности, въ изношенномъ сюртукѣ и въ военной Россійской фуражкѣ, съ краснымъ широкимъ околышемъ; онъ сидѣлъ рядомъ съ какимъ-то толстякомъ, украшеннымъ Прусскимъ крестомъ. Я прошелъ мимо, спросилъ, гдѣ живетъ графъ; мнѣ указали — я постучался, вышелъ молодой человѣкъ и сказалъ, что графъ на террасѣ. Я подошелъ къ нему, отрекомендовался.— «Садитесь! Объ васъ мнѣ писалъ изъ Парижа баронъ Мейендорфъ, а потому я желалъ васъ видѣть; вы не долго служили подъ моимъ начальствомъ, извините меня, что я васъ тогда не зналъ лично. У насъ въ Россіи горная часть въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ очень подвинулась. До меня не посылали учиться въ чужія края; сперва я отправлялъ молодыхъ людей; но они учились больше въ трактирахъ и напитывались пустымъ либерализмомъ; теперь я посылаю чиновниковъ зрѣлыхъ лѣтъ, коихъ поведеніе надежно, что гораздо выгоднѣе для службы. Ч. неученый, но много пріобрѣлъ свѣдѣній и для переписки и сношеній иностранныхъ очень хорошъ; Ковалев-

---

(1) Послѣ покойнаго Петра Михайловича Языкова (извѣстнаго геолога, собравшаго въ Симбирскѣ большой минералогическій кабинетъ), остался любопытный дневникъ путешествія его въ чужіе края въ 1840 году. Въ дневникъ этотъ, вмѣстѣ съ впечатлѣніями чужихъ краевъ, занесены разсказы и замѣчанія о людяхъ Русскихъ. Нижеслѣдующія выписки обязательно сообщены намъ братомъ автора, Александромъ Михайловичемъ Языковымъ. *П. Б.*

скій имѣетъ большую опытность по управленію и хозяйственной части; К-въ былъ слишкомъ лѣнивъ; С-ій съ большими познаніями, но великій прожектеръ, и ему рѣдко что удается — теперь онъ запутался по платинному производству, и на немъ оказался начетъ. До меня въ корпусѣ былъ одинъ Соколовъ.» Потомъ графъ разспрашивалъ о цѣли моего путешествія; я ему сказалъ, что ѣзжу съ больнымъ братомъ (2) и по возможности осматриваю собранія окаменѣлостей для изученія оныхъ въ геогностическомъ отношеніи. — «Я не занимался геогнозіей какъ наукой, сказалъ графъ, но кое-что читалъ, и мнѣ кажется, что окаменѣлости не составляютъ отличительные признаки образованій, и вообще эта теорія слишкомъ запутана и невѣрна». —Оно дѣйствительно такъ кажется, возразилъ я, для тѣхъ, которые въ частности не изучали окаменѣлостей; но никакъ невозможно отвергать, чтобъ оныя не служили отличительнымъ признакомъ образованій и наипаче ярусовъ оныхъ. Можно вообще сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ зоологію приложили къ геогнозіи, началась блистательная эпоха сей послѣдней науки.— «Вы меня извините, сказалъ графъ, теперь я долженъ заняться дѣломъ съ этимъ господиномъ; приходите утромъ или вечеромъ, я буду радъ вашему посѣщенію». Я всталъ и раскланялся. Графъ проводилъ меня до лѣстницы.

25 Іюля. Передъ концемъ обѣда взошелъ въ залу министръ нашъ и обошелъ столъ, раскланиваясь и привѣтствуя своихъ знакомыхъ; замѣчательно, что для бритья министръ выбралъ не хирурга, брѣющаго самого эрцгерцога, а его подмастерью, здоровую и краснощекую дѣвицу, что должно быть довольно каррикатурно. Въ залѣ министръ меня не замѣтилъ, но когда встали изъ-за стола и вышли на дворъ подъ холщевый навѣсъ, гдѣ на столѣ находились газеты, онъ узналъ меня, когда я поклонился.—«Здравствуйте,» сказалъ онъ нѣмецкимъ выговоромъ. Онъ такъ дурно одѣтъ, сюртукъ его такъ заношенъ и брюки сѣрые безъ штрипокъ такъ измараны, что не отличишь по одеждѣ отъ прочихъ Нѣмцевъ. Этотъ разъ онъ былъ въ старой круглой шляпѣ. — Ваше сіятельство вчерашній день прогуливались?—«Да, я ѣздилъ и очень усталъ—дорога прескверная». Онъ остался просматривать газеты, я ушелъ.

26 Іюля. Въ серединѣ обѣда явился въ залу министръ въ длинномъ сюртукѣ, никому не поклонился, не обратилъ никакого вниманія на эрцгерцога, подошелъ прямо ко мнѣ, говоря: «А я васъ ищу—послѣ завтра я ѣду. Зайдите ко мнѣ. Это возлѣ васъ вашъ братъ?» «Нѣтъ, в. с., это г. медикъ, находящійся при больномъ.» Графъ повернулся и пошелъ вонъ изъ залы. Такая странная выходка нашего министра обратила на него и на меня все вниманіе нѣмецкой публики.

27 Іюля. Докторъ Кине разсказывалъ: Министръ вашъ очень брюзгливъ; ему здѣсь скучно; что ему ни скажешь—все не въ попадъ. Оно такъ и должно быть; при томъ супруга министра, какъ гордая Новгородка, не захотѣла представиться, наравнѣ съ прочими, Нѣмкѣ, женѣ эрцгерцога, умолченной въ календарѣ Готы: отозвалась болѣзнію и должна по необходимости сидѣть дома, что она и выполняетъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Гуляя цѣлый день, здѣсь скучно; что же должно быть, сидя дома? Просто смерть! Я не пошелъ проститься съ министромъ; онъ вообще непріятенъ въ обращеніи — rude comme un rustre; бесѣда его не обворожаетъ любезностью свѣтскаго человѣка; онъ грубъ, неуклюжъ какъ старый Нѣмецъ, говоритъ по русски тяжело, нескладно, по французски тоже съ разстановкой. Очень видно, что онъ всю жизнь болѣе дѣлалъ, нежели говорилъ. Все время здѣсь онъ былъ не въ привычной сферѣ, былъ сердитъ и брюзгливъ отъ нечего дѣлать.

5 Августа. Сенаторша Багрѣева разсказывала: Передъ отъѣздомъ въ чужіе края, графъ Канкринъ поссорился съ докторомъ Арендтомъ, который, прописавши ему колхикумъ, назначилъ и пріемъ; но министръ началъ принимать втрое больше.

(2) Славнымъ поэтомъ, Николаемъ Михайловичемъ Языковымъ.

«Это вамъ сдѣлаетъ вредъ», сказалъ Арендтъ. —«Полноте, я самъ лучше васъ знаю медицину и что мнѣ вредно и что полезно.» «Позвольте вамъ замѣтить, графъ, прервалъ Арендтъ, что я хорошо знаю, что вы хорошій министръ, но дурной медикъ и архитекторъ. — «Меня ужасно раздосадовалъ Арендтъ—говорилъ графъ женѣ—пусть бы еще называлъ плохимъ докторомъ, а дурнымъ архитекторомъ—это просто грубость!» Канкринъ почитаетъ себя отличнымъ архитекторомъ. Онъ старъ, но поклонникъ прекраснаго пола.